

П. Н. Берков

ПУШКИН В ПЕРЕВОДАХ НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Знакомство европейского читателя, не владевшего русским языком, с творчеством Пушкина началось очень рано, во всяком случае не позднее 1821 года. Однако, первыми материалами, дошедшими на Запад, были не переводы произведений молодого поэта, а просто упоминания о нем в обзорах русской литературы в современных немецких и французских изданиях, выходивших в пределах России¹ и вне ее. Собственно же переводы произведений Пушкина появляются с 1823 г. Так, в самом начале этого года появился немецкий перевод отрывка из «Руслана и Людмилы» и эпиграммы «История стихотворца» (последняя без заглавия и имени автора) в книге К. Ф. фон дер-Борга «Поэтические произведения русских». Одновременно с этим немецким переводом тот же отрывок из «Руслана» был напечатан на французском языке в «Русской Антологии», изданной Дюпре-де-Сен-Мором. С этих переводов и начинается обширная и интересная история «западноевропейского» Пушкина².

I

Первоначально переводы произведений Пушкина делались либо иностранцами, жившими в России, преимущественно преподавателями различных учебных заведений, либо — несколько позднее — поэтами дилетантами из аристократических кругов. Значительно позже стали заниматься Пушкиным в качестве переводчиков более или менее крупные литературные деятели Западной Европы — Проспер Мериме, Фр. Боденштедт, Рене Гиль и др., хотя все же подлинно достойных переводчиков Пушкин на Западе не нашел до наших дней.

¹ Можно точно указать, как наиболее раннюю дату, февраль 1821 г., когда в парижских журналах «Энциклопедического Обозрения» (стр. 382) была напечатана заметка о Пушкине.

² В настоящем этюде приведены материалы только о немецких, французских, английских и итальянских переводах.

Если перевод вообще является своего рода толкованием переводимого писателя, то перевод поэта и, главным образом, выбор его произведений для перевода создает уже образ этого поэта, служит выражением понимания данного автора; благодаря этому, выдвигаются одни мотивы его творчества, замалчиваются другие, и в результате почти всегда получается одностороннее освещение дарования поэта. В этом смысле любопытно, что более или менее объективное представление о творчестве (но не о силе дарования) Пушкина в Западной Европе — благодаря переводам — началось тогда, когда (в разное время в разных странах) его стали переводить профессора русской литературы в западных университетах (Тернер, Леже, Лионделль, Ло Гатто и др.), выбиравшие, в связи с читаемыми ими курсами по истории русской литературы, материал для переводов из Пушкина более разнообразный и ценный. Однако, не будучи поэтами, переводчики эти сделали не очень много.

До того же времени Пушкин в переводах был представлен такими вещами, которые относились, главным образом, к раннему периоду его литературной деятельности и делали его — в восприятии европейского читателя — заурядным романтическим поэтом. Политическая, общественная струя поэзии Пушкина не находила места в переводах его на западные языки: классовая идеология переводчиков — то благонамеренных чиновников, то умеренных и аккуратных буржуа, то, наконец, дилетантов-аристократов — творила из Пушкина последовательно то романтика, то занятого рассказчика-обывателя, то патриотического поэта.

Интерес к Пушкину среди западных читателей распределялся неравномерно как в пространстве, т. е. у отдельных европейских народов, так и во времени. Прижизненные переводы из Пушкина были сравнительно немногочисленны, их известно — на всех европейских языках — около тридцати пяти. Некрологи и статьи о Пушкине в европейской прессе в 1837 году не были сопровождаемы появлением новых или хотя бы переизданных старых переводов: характерной чертой отголосков на смерть поэта был интерес к его личности, к причинам его гибели, а не к его творчеству.

Однако, начиная с 1840-х гг. произведениям Пушкина уделяется большое внимание, главным образом в Германии. Параллельно с увеличением количества переводов, в особенности в связи с торжеством открытия в Москве памятника Пушкину в 1880 г., растет и специально критическая литература о нем, отражающая новое восприятие и трактовку его произведений и, в свою очередь, влияющая на выбор и понимание его переводчиками. Если в прижизненный пе-

риод и в годы, близкие к смерти поэта, для переводов избирались произведения, в которых он выступал, как романтик, как «ученик Байрона», а позднее всего охотнее переводили вещи, отличавшиеся «русской экзотикой», — «Сказки», «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Капитанскую дочку», «Дубровского», — в дальнейшем привлекают внимание философские «маленькие» драмы, «Медный всадник» и др. творения поэта. Наряду с этим интересом к «общечеловеческим» или «космополитическим» произведениям Пушкина углубляется понимание и количественно растут переводы бытописательных вещей поэта.

Особенно достойно внимания безостановочно растущее обилие переводов из Пушкина в последнее время. Интерес к его творчеству развивается по двум направлениям. Во-первых, делается чрезвычайно модным издание произведений Пушкина с иллюстрациями В. Масютина, Нат. Гончаровой, Лебедева, Шукаева и др. В таких изданиях центр тяжести лежит не столько в переводах произведений поэта, сколько в графике, в «русском искусстве», увлечение которым на Западе характерно для первых годов прошлого десятилетия. С другой стороны, обращение к Пушкину, как, впрочем, и к Достоевскому, Лескову и др., является следствием интереса к «русской душе»: проблема Великой Октябрьской Революции, волнующая Западноевропейскую буржуазную интеллигенцию, заставляет ее по-иному, нежели прежде, осмысливать и «Медного всадника», и «Бориса Годунова» и другие произведения Пушкина, в которых видят «бездонные пропасти и тайные изгибы русской народной души».

II

Наибольшей популярностью среди западноевропейских читателей пользуется Пушкин в Германии, где не только имеется огромное количество переводов отдельных его произведений, но где уже почти сто лет назад впервые появилось «собрание сочинений» нашего поэта и где такие «собрания» повторяются вплоть до наших дней. Вообще Пушкин в переводах на немецкий наиболее точен, с известными оговорками полон, художественен. Внимание переводчиков к Пушкину способствовало появлению разных переводов одной и той же вещи. Благодаря этому, большая часть произведений Пушкина получила широкое распространение в немецкой читающей публике, особенно интеллигентской, мелкобуржуазной и демократической. Почти полный Пушкин издан в такой исключительно популярной серии как «Универсальная библиотека» Филиппа Реклама. В ряде других серий —

«Современной библиотеки Вебера», «Народной библиотеки Мейера» и «Народной библиотеки Гессе» — также изданы некоторые, преимущественно прозаические, вещи Пушкина. При жизни Пушкина, почти одновременно с вышеупомянутым фон дер-Боргом, стал печатать свои довольно удачные переводы Александр Вульферт («Кавказский пленник», 1823; Хор девушек из «Руслана и Людмилы», в немецком «Санкт-Петербургском Журнале», 1824, № 1; «Бахчисарайский фонтан», 1826). В 1824 году тот же перевод «Кавказского пленника» с параллельным русским текстом был выпущен литературным дельцом, впоследствии цензором, Ольдекопом; это издание вызвало безрезультатные попытки со стороны Пушкина оградить свои авторские права. Несколько позднее в изданной в Ревеле серии «Русская библиотека для немцев» был напечатан «Борис Годунов» в переводе К. фон Кнорринга (1831). В том же 1831 году был выпущен отдельным изданием анонимный перевод «Клеветникам России», вместе с переводами стихотворений Жуковского и Хомякова, также посвященных Польскому восстанию. То же стихотворение было переведено видным дипломатом бар. Анстетом в том же году, но напечатано оно было лишь в 1908 году.

Последние современные Пушкину немецкие переводы его произведений были сделаны Эр. Герингом (две песни «Руслана и Людмилы», 1833) и поэтессой Каролиной Павловой (отдельные стихотворения, 1834).

Из последующих немецких переводов нашего поэта следует отметить «Избранные произведения Пушкина» в переводе Роб. Липперта (2 т., 1840 г.). Среди довольно удачных переводов (в особенности хорошо получился монолог Пимена в «Борисе Годунове») встречаются ничем не обоснованные отступления от пушкинского текста и сокращения. Так, «Сказка о царе Салтане» превращается у Липперта в «Сагу о царе Сильване и его сыне, рыцаре Гаральде». В переводе «Евгения Онегина» имя Татьяна заменено именем Иоанна.

После Липперта очень много потрудился над переводом как Пушкина, так и других русских поэтов Фр. Боденштедт. Его переводы более точны чем у Липперта, но отличаются некоторой слащавостью. В самом конце шестидесятых годов в издании «Библиографического Института» (Мейера), пользующегося в Германии и вообще в странах с немецким языком огромной популярностью, в серии «Библиотека иностранных классиков» вышел томик переводов Ф. Леве, заключавший только три вещи Пушкина: «Бориса Годунова», «Русалку» и «Сказку о рыбаке и рыбке». Признание Пушкина класси-

ком не искупило, однако, довольно посредственного характера переводов Леве.

Среди переводов последующих десятилетий обращают на себя внимание работы Ф. Ф. Фидлера, известного литературного коллекционера и переводчика русских авторов на немецкий язык, а также яркого пушкинофила, д-ра Алексиса Лупуса (Вольфа).

С 1906 г. начинает выходить девятитомное, еще до сих пор не законченное издание сочинений Пушкина в переводах и под редакцией Иоанна фон-Гюнтера и О. Бела. Такое же многотомное издание было затеяно Т. Коммихау. В послевоенные годы Пушкина усердно переводят, кроме названных лиц, А. Лютер, Рейнгольд фон Вальтер, Александр Элиасберг, Герберт Гернер и др. Большинство новых переводов снабжено иллюстрациями и представляет «роскошные издания».

Наконец, в 1923 г. упомянутое нами издательство Мейера («Библиографический Институт») выпустило под ред. А. Лютера двутомного Пушкина, где собраны лучшие переводы как старые, так и новые, снабженные введениями и примечаниями. Это издание среди западноевропейских одно из лучших.

Развитие интереса к Пушкину в Германии видно из сопоставления некоторых цифр: с 1823 г. по 1914 г. общее число немецких переводов из Пушкина не превышало 250, а за время только с 1917 по 1932 г. оно превысило 50.

Однако после прихода к власти фашистов, с общим одичанием «унифицированной немецкой культуры» в Германии, прекратилась переводческая деятельность с русского языка и, в частности, и из Пушкина. С 1933 года в германских библиографиях не зарегистрировано ни одного перевода из Пушкина. Даже объявленный в 1932 году по подписке перевод «Драматических произведений» Пушкина, предпринятый Генр. фон Гейвелером, не осуществился.

III

«Французский» Пушкин уступает «немецкому» и качественно и количественно. Если исключить переводы Проспера Мериме, довольно близкие к подлиннику и сделанные культурно, хотя и не свободные от анекдотических промахов, прочие, особенно старые, оставляют мало удовлетворительное впечатление.

После Дюпре де-Сен-Мора Пушкина на французский язык переводил Ж. Шопен, впоследствии видный кавказский административный деятель («Бахчисарайский фонтан», вольный перевод, 1826),

Лаво («Цыганы», в московском французском журнале «Северные известия», 1828; «Граф Нулин», «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Полтава» — в том же журнале в 1829 году, все переводы прозаические), И. Репей («Бахчисарайский фонтан», 1830), своеобразно известный журналист и мемуарист В. Бурнашев («Борис Годунов», «Поэту» — во французском журнале «Хорек», 1831, — прозой).

На 1831 год приходится ряд рукописных переводов «Клеветникам России»: С. С. Уварова, впоследствии министра народного просвещения; И. М. Бакунина, посредственного поэта, писавшего, кроме русских стихов, французские, немецкие и итальянские и посвятившего смерти поэта стихотворение «На погребение Пушкина» (в сборнике «На все и время и пора», Спб. 1838); неизвестного переводчика (перевод сохранился в архиве бр. Тургеневых в Институте Литературы). Следует отметить, что перевод Бакунина, пересланный Пушкину Е. М. Хитрово, двоюродной сестрой Бакунина, обычно считается принадлежащим ей. К переводу этого же стихотворения возвратились бар. П. Вревский (1834) и кн. Н. Голицын (1836); последним переводом Пушкин остался доволен, назвав его бесподобным, в то время как к переводу Уварова отнесся иронически, а к присланному Е. М. Хитрово несколько небрежно.

В 1831 году в провинциальном французском журнале «Пропагандист Па-де-Кале» был опубликован прозаический перевод «Полтавы», принадлежащий известному библиографу, ревностному поклоннику Пушкина, С. Полторацкому, который вообще много писал о Пушкине во французских журналах. В последние годы жизни Пушкина были напечатаны переводы Ферри де-Пиньи и Акэна («Русские рассказы», 1833) и ряд стихотворений в антологии, составленной П. де-Жюльвекуром и экзотически озаглавленной «Балалайка» (1837).

В 1846—1847 гг. вышли два тома «Избранных произведений» Пушкина в прозаическом переводе преподавателя словесности в Петербургском Институте инженеров путей сообщения, А. Дюпона. Переводчик отнесся внимательно к своей работе, однако, не обладая художественным чутьем, дал добросовестный, но сухой и невыразительный перевод.

Как романтика воспринял и воспроизвел Пушкина в своих переводах Мериме. Автор «Кармен», несмотря на все свое преклонение перед Пушкиным, перевел, однако, очень немного его произведений: «Пиковую даму», «Цыганы», «Анчар» и «Выстрел». Удачнее всего, и в смысле удержания колорита, и в отношении точности, вышла

«Пиковая дама», несколько раз переиздававшаяся (в последний раз в 1928 г., с цветной ксилографией А. Алексева).

Переводы из Пушкина встречаются у Александра Дюма—отца. Впрочем, трудно считать эти произведения переводами, так как Дюма русским языком не владел; он только обработал выполненные другими лицами переводы, придав им обычную для его литературной манеры подчеркнутую фабулярность и динамичность.

Особое место среди переводов Пушкина на французский язык занимают переводы И. С. Тургенева и Л. Виардо. Они пользовались громадным, но совершенно незаслуженным успехом: дело в том, что И. С. Тургенев, как выяснено, непосредственного участия в переводах не принимал, а только помогал советами Л. Виардо, мужу своей приятельницы, известной певицы Полины Виардо. Выказано было даже предположение, что популярное во Франции имя И. С. Тургенева фигурировало лишь в качестве приманки для доверчивых читателей. Следует отметить, что перевод, например, «Капитанской дочки» выдержал десять изданий.

В отдельную группу следует отнести разновременные переводы из Пушкина на французский язык, принадлежавшие дилетантам, вроде кн. Н. Голицына, кн. Элима Мещерского, Софьи Энгельгардт и др.

В послевоенную эпоху вновь возникает интерес к Пушкину, переводится не только «Борис Годунов» (пять различных переводов), «Сказки» (столько же), «Пиковая дама» (три перевода), но и «Гавриилиада» и др. Подобно немецким послевоенным изданиям, большинство французских переводов последних лет представляют «роскошные» издания, иллюстрированные такими художниками, как Нат. Гончарова, Шукаев, Зворыкин и др. Переводы большей частью анонимные или же принадлежат эмигрантам, вроде Елены Извольской, Шифрина, Марка Семенова и др., ничем не зарекомендовавших себя в литературе.

Интерес к Пушкину во Франции растет. Крупные деятели современной французской литературы, принимают участие в переводах отдельных произведений Пушкина. Перевод «Арапа Петра Великого» был помещен в сугубо литературном журнале «Commerce», где принимали участие избраннейшие французские писатели вроде Поля Валери, Барреса и др.

Самыми лучшими и ценными французскими переводами следует признать переводы проф. А. Лиронделля, собранные им в небольшой изящной книжке «Избранные сочинения Пушкина». Правда, в них чувствуется их школьное происхождение, то, что они предназначены служить иллюстрациями университетских лекций переводчика, но,

несмотря на всю их фрагментарность и неравноценность (перевод сделан «белым» стихом), они по своему значению во Франции соответствуют двухтомному Пушкину, изданному «Библиографическим Институтом».

Из прочих послевоенных переводов из Пушкина следует отметить вышедшую в 1928 году с иллюстрациями Е. Виральта «Гавриилиаду» в переводе Ю. Сидерского, а также сборник стихотворных переводов под редакцией В. Парнака, озаглавленный «Революционные поэмы» (1930).

IV

История «английского», т. е. великобританского и американского Пушкина значительно короче и беднее.

Интерес к русскому поэту среди англичан зародился гораздо позднее, чем у немцев и французов, и не достиг ни в качественном, ни в количественном отношении уровня переводов на немецкий и французский языки. На английском языке нет ничего подобного изданию «Библиографического Института» или Лиронделля. Они сначала делались преподавателями разных учебных заведений, отличаясь теми же достоинствами и недостатками, что и немецкие и французские. Точно так же пробовали свои силы в передаче произведений Пушкина на английский язык разные высокопоставленные дилетанты, преимущественно женщины.

Первый прижизненный перевод Пушкина на английский язык (по одному, не поддающемуся проверке, указанию) относится к 1830 году и принадлежит поэту-слепцу И. И. Козлову; он напечатан в «Новом Ежемесячном Магазине». В 1835 году появляется в Петербурге сохранившийся в библиотеке Пушкина сборник переводных стихов Джорджа Борроу, носящий вычурное название «Таргум, или метрическое переложение с тридцати языков и наречий». (Слово «таргум» — халдейское и означает «перевод»). Из Пушкина здесь переведены «Черная шаль» и «Песня Земфиры» из «Цыган» («Старый муж, грозный муж...»). Тому же переводчику принадлежит вышедший в том же 1835 году и в той же типографии маленький сборник «Талисман А. Пушкина».

Прозе Пушкина у английских переводчиков повезло больше, чем стихам. Так, «Повести в прозе», выпущенные Т. Кином в серии «Популярная библиотека Бона» впервые в 1894 г., выдержали несколько изданий, из которых последнее вышло в 1926 г. Как у немцев и французов, так и в английских послевоенных переводах обращается внимание на «экзотическую» русскую иллюстрацию («Золо-

15*

той петушок» с иллюстр. М. Севиера). Также подвизаются переводчики-эмигранты (Набоков, Хайес, Катков и др.).

В последние годы, кроме прозаических переводов («Пиковая дама», 1929; «Капитанская дочка», в переводе Нат. Доддингтон, 1928 и 1933; три повести, — «Метель», «Станционный смотритель» и «Гробовщик» — в переводе Р. Т. Кэрреля, без указания года), появилась также «Гавриилиада», названная переводчиком Максом Истмэном «Гавриил, поэма в одной песне» (с иллюстрациями Рокуэла Кэнта, 1929).

V

Если переводы из Пушкина на три главнейших европейских языка велись непосредственно с русского, то относительно переводов на итальянский приходится отметить, что они, довольно часто, осуществлялись с какого либо иностранного, главным образом французского перевода. Установить подобные факты помогает транскрипция собственных имен пушкинских персонажей, а нередко и имени самого Пушкина, противоречащая итальянскому правописанию. Правда, это относится к переводам более поздним.

Прижизненные переводы из Пушкина были очень не многочисленны и тоже не все делались с оригинала. Известен перевод «Пророка», принадлежащий графу Риччи (не позднее 1828 года), и «Кавказского пленника» Ант. Роккиджиани (1834); другой перевод той же поэмы, вышедший в 1837 году в Одессе, принадлежал переводчику, скрывшемуся под инициалами Д. Ф. Г.

Уже после смерти поэта, в 1841 году выходят «Четыре крупнейшие поэмы» Пушкина в переводе Чезаре Ботчелла, а в 1844 году в Петербурге «Стихотворения» в переводе Луиджи Мандзини.

Все сказанное ранее о посмертных переводах Пушкина применимо и к итальянским, за исключением разве того, что там в послевоенную эпоху «роскошных» изданий и переводов, сделанных эмигрантами, не появлялось. Немногочисленные ранее (до 1900 г. появилось всего 38 переводов Пушкина), переводы в послевоенную эпоху количественно относительно растут (число их не ниже 15). Нельзя того же сказать о качестве этих переводов. Наряду с добросовестным «ученым» переводом «Евгения Онегина»; сделанным проф. Ло Гатто, встречаются явно халтурные, как, например, помещенный в журнале «Литературные новинки» (№ 4, 1925 г.) перевод некоей Эстер Модильяни — «Почему Мари не повенчалась, хотя должна была венчаться». Он представляет из себя искаженный перевод с французского перевода «Мятели».

Следует отметить вышедший в 1934 году перевод «Сказки о прекрасной царевне и семи богатырях», принадлежащий К. Старнео.

История «западноевропейского» Пушкина не исчерпывается переводами на главнейшие языки. Впрочем, общей картины материалы, касающиеся остальных европейских — за исключением славянских, — народов, не меняют.

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР**

1 8 3 7 - 1 9 3 7

2-3

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937**